

Роберт Шекли

★
Билет
на планету
Транай
★

Рассказы

Роберт Шекли

Билет на планету Транай

«Азбука-Аттикус»

1952-1986

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Шекли Р.

Билет на планету Транай / Р. Шекли — «Азбука-Аттикус»,
1952-1986

ISBN 978-5-389-20419-5

Замечательного американского писателя-визионера Роберта Шекли интересовали все сферы жизни и деятельности человека, но более всего, как истинного гуманиста, непосредственно сам человек и его сложный внутренний мир: психология, философия, религия, этика. У фонтанирующего идеями Шекли порой не хватало терпения на написание длинных романов, но зато рассказы, выходившие из-под его острого, ироничного пера, становились подлинными жемчужинами. В сборник «Билет на планету Транай» включены рассказы, составляющие золотой фонд мировой фантастики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20419-5

© Шекли Р., 1952-1986
© Азбука-Аттикус, 1952-1986

Содержание

Седьмая жертва	6
Бремя человека	16
Ловушка	26
Билет на планету Транай	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роберт Шекли

Билет на планету Транай

- © А. С. Полошак, перевод, 2021
- © Р. М. Гальперина (наследник), перевод, 1966
- © А. В. Санин, перевод, 1978, 1984
- © Г. Л. Корчагин, перевод, 2015, 2021
- © А. К. Смирнов, перевод, 2015
- © Нат Аллунан, перевод, 2021
- © И. А. Тогоева, перевод, 2002
- © А. Д. Иорданский (наследник), перевод, 1965, 1983
- © В. И. Баканов, перевод, 1984, 1988, 1990, 1991, 1997
- © Е. В. Короткова (наследник), перевод, 1968
- © Б. Г. Ключева (наследники), перевод, 1994

* * *

Седьмая жертва

В половине десятого утра преуспевающему бизнесмену положено трудиться в поте лица, поэтому Стэнтон Фрелейн старательно напускал на себя деловой вид, но без особого успеха. Вчера вечером он составил рекламный текст, а сегодня смотрел на него как баран на новые ворота. Ни о какой работе не может быть и речи – по крайней мере, пока не принесут почту. Он ждет уведомления уже две недели. Власти, как всегда, тянут до последнего.

Стеклянная дверь с надписью «Моргер и Фрелейн, торговля одеждой» отворилась, и в кабинет вошел И. Д. Моргер. Однажды ему прострелили ногу, с тех пор он прихрамывал. И еще сутулился, но когда тебе семьдесят три года, выправка уже не та, что в молодости.

– Ну что, Стэн? – спросил Моргер. – Готова реклама?

Моргер взял Фрелейна в партнеры, когда тому было двадцать семь. Недавно Стэнтону исполнилось сорок три. За эти шестнадцать лет их скромное предприятие превратилось в фирму с миллионной капитализацией, и все благодаря пиджакам модели «Скорострел».

– Думаю, можно запускать. – Фрелейн протянул Моргеру лист бумаги и подумал: «Ну, где же почта?!»

– «У вас уже есть „Скорострел“? – читал вслух Моргер, близоруко всматриваясь в текст. – Лучший пиджак на свете, разработанный законодателями мужской моды Моргером и Фрелейном? – Кашлянув, он покосился на Фрелейна, улыбнулся и продолжил: – „Скорострел“ – гарантия вашей безопасности и безукоризненного внешнего вида. Забудьте о плохо сидящих пиджаках, ведь в каждом „Скоростреле“ есть особый потайной карман, в котором ваш пистолет будет совершенно незаметен для окружающих. Карман устроен так, чтобы вы не испытали ни малейших затруднений, когда придет время молниеносно выхватить оружие. Боковой или нагрудный? Выбор за вами!» Хм... неплохое начало, – заметил Моргер. Фрелейн угрюмо кивнул. – «А теперь последний писк моды: „Скорострел плюс“. В этой модели реализована новейшая и эффективнейшая технология индивидуальной защиты: автоматический карман-катапульта. Одно нажатие на секретную кнопку, и пистолет у вас в руке, взведенный и снятый с предохранителя. Самое время заглянуть в ближайший магазин Моргера и Фрелейна! Самое время подарить себе ощущение максимальной безопасности!»

– Годится, – сказал Моргер. – Хорошая реклама, вполне убедительная. – Он задумчиво провел пальцем по седым усам. – Пожалуй, стоит добавить, что «Скорострелы» бывают любых фасонов: однобортные и двубортные, прямые и приталенные, с двумя и тремя пуговицами. Как думаешь?

– Точно. Совсем забыл. – Забрав у Моргера лист, Фрелейн сделал пометку на полях, после чего встал и разгладил пиджак на животе.

У Фрелейна был лишний вес, лысеющая макушка, дружелюбное лицо, но холодный взгляд.

– Расслабься, – посоветовал Моргер. – Никуда не денется твой конверт. Принесут сегодня с почтой.

Фрелейн заставил себя улыбнуться. Ему хотелось гарцевать из угла в угол, но вместо этого он присел на край стола и сказал, словно извиняясь:

– Прямо как в первый раз.

– Помню, каково это, – кивнул Морган. – Когда сам охотился, бывало, целый месяц ночами не спал, все ждал уведомления. Прекрасно тебя понимаю.

Мужчины ждали. Молчание стало невыносимым, и тут в кабинет вошел секретарь с почтой. Он положил конверты Фрелейну на стол.

Фрелейн схватил письма, быстро их просмотрел и обнаружил уведомление: длинный белый конверт из БЭК с официальной сургучной печатью.

– Ага! – расплылся в улыбке Фрелейн. – Вот он, мой красавец!

– Поздравляю. – Моргер с интересом смотрел на конверт, но не просил Фрелейна распечатать его. Просить о подобных вещах – не только дурной тон, но еще и нарушение закона. Никто, кроме Охотника, не должен знать имени Жертвы. – Что ж, удачной охоты.

– Такой она и будет, – решительно пообещал Фрелейн и взял портфель.

На рабочем столе было чисто: Фрелейн навел порядок еще неделю назад.

– В последнее время ты какой-то нервный. – Моргер легонько похлопал его по подбитому ватой плечу. – Убийство пойдет тебе на пользу.

– Знаю. – Снова улыбнувшись, Фрелейн пожал партнеру руку.

– Жаль, что я уже старый. – С горькой усмешкой Моргер бросил взгляд на свою больную ногу. – Иногда так и подмывает снова взяться за пистолет.

В свое время он был выдающимся Охотником. Убив десять Жертв подряд, Моргер вступил в закрытый клуб под названием «Десятка». Разумеется, после каждой охоты Моргеру приходилось исполнять роль Жертвы, так что всего он уложил двадцать человек.

– Будем надеяться, что моя Жертва не похожа на вас, – сказал Фрелейн полушутя.

– Не беспокойся. Таких, как я, больше не делают. Напомни, которая это по счету?

– Седьмая.

– Счастливое число. Ни пуха ни пера, – пожелал Моргер. – Оглянуться не успеешь, как попадешь в «Десятку».

Помахав на прощание, Фрелейн направился к двери, но Моргер еще не закончил с напутствиями.

– Главное, смотри в оба, – предупредил он. – Один просчет, и придется искать нового партнера, а меня устраивает тот, что есть.

– Буду осторожен, – пообещал Фрелейн.

Обычно он ездил домой на автобусе, но сегодня решил прогуляться. Нужно было проветрить голову, прийти в себя, а то ишь, разволновался, совсем как мальчишка перед первой охотой.

Шагая по тротуару, Фрелейн благоразумно смотрел вперед поверх голов. Поглядывать на других значит напрашиваться на пулю: Жертвы бывают нервные, кто-нибудь из них может решить, что ты ее Охотник.

Впереди стоял здоровенный билборд с рекламой услуг Д. Ф. О’Донована. Огромные красные буквы складывались в слова:

ВЫ ЖЕРТВА? ЗАЧЕМ РИСКОВАТЬ?

К ВАШИМ УСЛУГАМ СЕРТИФИЦИРОВАННЫЕ

СОГЛЯДАТАИ О'ДОНОВАНА.

МЫ ВЫЧИСЛИМ ВАШЕГО ОХОТНИКА.

ОПЛАТА ЗА РЕЗУЛЬТАТ!

«Как приду домой, – подумал Фрелейн, – позвоню Эду Морроу».

Он перешел дорогу и ускорил шаг. Ему не терпелось войти в свою однокомнатную квартиру, вскрыть конверт и узнать имя Жертвы.

Интересно, какая она? Умная или глупая? Богатая, как четвертая Жертва Фрелейна, или бедная, как первая и вторая? Наймет помощников или рискнет действовать в одиночку?

Сердцебиение участилось, весь организм пульсировал от охотничьего азарта. Превосходное ощущение.

В соседнем квартале загрохотало. Два выстрела один за другим, а позже еще один, контрольный.

«Кто-то свое отохотился, – подумал Фрелейн. – Удачи уцелевшему».

Как же здорово снова почувствовать себя живым человеком!

Наконец Фрелейн добрался до дома и сразу набрал номер Эда Морроу, своего соглядата. В промежутках между вызовами тот работал автомехаником.

– Алло, Эд? Это Фрелейн.

– Ага, здрасьте, мистер Фрелейн.

– Я выхожу на охоту, Эд. – Фрелейн представил себе физиономию собеседника: костлявую, заляпанную машинным маслом, с ухмылкой на тонких губах.

– Это здорово, мистер Фрелейн, – обрадовался Эд Морроу. – Мне что, готовиться?

– Угадал. Я буду в отъезде, вернусь через неделю, максимум через две. Ну и в течение трех месяцев после убийства получу уведомление о статусе Жертвы.

– Буду ждать. Доброй охоты, мистер Фрелейн.

Фрелейн попрощался и положил трубку.

Заранее договориться с первоклассным соглядатаем – более чем разумная мера предосторожности. После охоты Фрелейну придется побыть Жертвой, и его жизнь в очередной раз будет зависеть от Эда Морроу. Эд, конечно, человек необразованный – круглый болван, если называть вещи своими именами. Но какое чутье на людей! Прирожденный соглядатай. Его водянистые глазки мигмом выхватывают приезжего, а засады он устраивает с поистине дьявольской хитростью.

Незаменимый парень.

Фрелейн достал конверт и усмехнулся, вспомнив, какую свинью Морроу подложил последнему Охотнику. Все еще улыбаясь, он вынул из конверта лист бумаги и прочел имя Жертвы: Джанет Мари-Патциг.

Ему выпало убить женщину!

Фрелейн вскочил со стула и походил по комнате, после чего перечитал уведомление. Да, все верно. Джанет-Мэри Патциг. Девушка. К уведомлению прилагались три фотокарточки, адрес и обычный набор сведений.

Фрелейн нахмурился. Ему еще не приходилось убивать женщин.

Немного подумав, он снял трубку и набрал номер БЭК.

– Бюро эмоционального катарсиса, справочный отдел, – произнес мужской голос.

– Послушайте, тут такое дело, – начал Фрелейн. – Я только что получил уведомление, и оказалось, что мне выпала девица. Скажите, это не ошибка? – И он назвал имя девушки.

Клерк попросил подождать.

– Нет, никакой ошибки, сэр, – сказал он, порывшись в микрофишах. – Девушка прошла регистрацию добровольно, будучи в здравом уме и твердой памяти, а по закону у нее такие же права, как у любого мужчины.

– Вы не могли бы сказать, сколько убийств у нее на счету?

– Простите, сэр, но вам не положено знать ничего, кроме юридического статуса Жертвы и стандартных справочных данных, а эту информацию вы уже получили.

– Понятно. – Фрелейн помолчал. – Можно мне другую Жертву?

– Разумеется, по закону вы имеете полное право отказаться от охоты, но следующую Жертву вам назначат лишь после того, как вы сами побудете в роли Жертвы. Желаете отказаться?

– Нет-нет, – без промедления ответил Фрелейн. – Я просто любопытствовал. Спасибо.

Положив трубку, он ослабил ремень на брюках и уселся в самое глубокое из своих кресел. Нужно было поразмыслить.

Чертовы женщины, раздраженно думал он, вечно лезут в мужские дела. Что ж им на кухне-то не сидится? Да, они тоже полноправные граждане, но не женское это дело – людей убивать.

Он знал, что Бюро эмоционального катарсиса учредили из-за мужчин и только ради мужчин, сразу после Четвертой мировой войны, хотя некоторые историки считают, что мировых войн было не четыре, а шесть.

В те времена планета отчаянно нуждалась в передышке. Все истосковались по долгому и стабильному миру. Бюро было создано по практическим причинам, и занимались этим люди весьма практичные.

Говоря простым языком, дни человечества были сочтены. В каждой следующей войне применялось новое оружие, мощнее, эффективнее и смертоноснее прежнего. Быстро свыкаясь с этими новинками, солдаты все охотнее сеяли смерть.

И вот человечество оказалось на грани катастрофы. Следующая война стала бы последней. В самом прямом смысле, ведь на планете не осталось бы ни единой живой души.

А значит, мирные времена должны продлиться до скончания веков, и никаких других вариантов нет. Но практичные люди понимали, что добиться этого не так-то просто. Спрашивается, как быть с эмоциональным напряжением? Со страстями человеческими, из-за которых, в сущности, и начинаются любые войны? Почему в прошлом мир всегда сменялся войной?

«Потому что человеку нравится убивать себе подобных», – ответили практичные люди.

«Да что вы такое говорите!» – возопили идеалисты.

Но практичные люди, режиссеры вечного мира на Земле, пришли к выводу: как эти ни прискорбно, большинство разумных обитателей планеты испытывают насущную потребность в насилии.

Люди не ангелы. И не демоны. Люди – это всего лишь люди, а человеку свойственен боевой инстинкт.

Вооружившись достижениями науки и сосредоточив в своих руках огромную власть, практичные люди могли бы постепенно искоренить эту особенность человеческой расы. Многие считали, что так и следует поступить.

Но практичные люди думали иначе. Конкуренция – двигатель прогресса. О каком развитии может идти речь, если в человеке не останется любви к сражениям, если он потеряет способность проявить мужество перед лицом смертельной опасности? Эти качества, заявили практичные люди, являются ценнейшим достоянием человечества и залогом его вечного процветания. Без них планета скатится в каменный век.

Как выяснилось, склонные к насилию индивидуумы отличаются гибкостью ума, они наиболее энергичны и изобретательны.

Отсюда вопрос: как обеспечить прочный мир, как спасти человеческую расу от самоуничтожения, не отказываясь от столь ценных особенностей человеческого характера?

Практичные люди решили, что для этого надо направить склонность человека к насилию в новое русло. Предоставить людям отдушину, возможность реализовать свой инстинкт.

Первым крупным шагом была легализация гладиаторских боев – самых настоящих, с громом оружия и кровью. Но этого оказалось мало. Сублимация помогает до известного предела. Людям требовалось что-нибудь реальное.

Убийство – это убийство, и его ничем не заменить.

Поэтому убийство тоже было легализовано, но в строго индивидуальном порядке, только для тех, кто испытывал потребность убивать. Национальным правительствам было поручено создать Бюро эмоционального катарсиса.

После испытательного периода во всех Бюро разработали единый свод правил.

Любой человек, желающий забрать чужую жизнь, подавал заявление в БЭК, сообщал определенные сведения о себе, уплачивал страховой взнос, и ему предоставляли Жертву.

В соответствии с правилами тот, кто подписался на убийство, через несколько месяцев обязан был занять место Жертвы для другого Охотника – при условии, что сумел пережить свою охоту.

В общем и целом дело обстояло так: любой индивидуум имел возможность совершить столько убийств, сколько душе угодно, но после каждого убийства обязан был оказаться в шкуре Жертвы. Если ему удавалось прикончить своего Охотника, он мог подать заявление на следующее убийство или выйти из игры.

Прошло десять лет. За это время услугами БЭК воспользовалась примерно треть населения цивилизованного мира. Каждый из этих людей подал по меньшей мере одно заявление на убийство. Через какое-то время это число снизилось и застыло на отметке «одна четвертая».

Философы скорбно покачивали головами, но практичные люди были вполне довольны.

Война оказалась там, где ей место: в руках индивидуума.

Разумеется, легализация Охоты повлекла за собой ряд непростых последствий и дала толчок развитию крупной сферы услуг для Жертв и Охотников.

Бюро выбирало имена Жертв в случайном порядке. На охоту отводилось две недели. Охотник получал конверт с именем, адресом и описанием Жертвы, которую обязан был убить собственноручно, без какой-либо посторонней помощи, пользуясь только пистолетом стандартного калибра. Любая броня была запрещена.

Жертва получала уведомление на неделю раньше. В письме не было имени Охотника. Сообщалось лишь, что человеку выпала роль Жертвы. Ему позволялось носить любую броню и нанимать соглядатаев. Соглядатай не имел права на убийство (такая привилегия была лишь у Охотника и Жертвы), но мог заметить в городе незнакомца или спровоцировать нервного стрелка на ошибку.

Чтобы прикончить Охотника, Жертве разрешалось устраивать засады и ловушки.

Лишение жизни или причинение вреда здоровью непричастного лица влекло за собой строгое наказание, ибо все остальные убийства были вне закона. Убийство из ненависти или с целью обогащения каралось смертной казнью.

Решение получилось на диво элегантное. Тот, кто чувствовал потребность убивать, имел право осуществить свое желание. Остальные же – то есть три четверти населения – не обязаны были мारать руки.

В любом случае крупных войн больше не случилось и не намечалось. На смену им пришли сотни и тысячи войн «один на один».

Фрелейн не испытывал особого восторга при мысли, что ему предстоит убить женщину, но не виноват же он, в конце концов. Жертва знает, на что идет. Фрелейн не собирался отказываться от своей седьмой охоты. И проигрывать тоже не планировал.

До самого обеда он зубрил информацию о Жертве, после чего убрал конверт с уведомлением в охотничью папку.

Джанет Патциг жила в Нью-Йорке. Фрелейна это порадовало. Он любил охотиться в больших городах и уже давно хотел посмотреть Нью-Йорк. Возраст в письме не указывался, но, судя по фотокарточкам, Жертве было слегка за двадцать.

Фрелейн забронировал билет на рейс до Нью-Йорка, после чего принял душ и надел «Скорострел плюс», сшитый специально для таких случаев. Выбрал из обширной коллекции пистолет, почистил его, смазал, убрал в карман-катапульти и уложил кое-какие вещи в саквояж.

В венах возбужденно пульсировала кровь. «Удивительно, – думал он, – всегда как в первый раз. Рано или поздно тебе наскучит все на свете: выпивка, женщины, французские булки. Все, кроме убийства. Убийство – это всегда что-то новенькое».

Наконец он просмотрел библиотеку, решая, какие ему понадобятся книги.

Профильной литературы у него была целая полка, и все издания – самого лучшего качества. На сей раз ему не требовались учебники для Жертв: ни «Тактика Жертвы» Л. Фреда Трейси с упором на контроль окружающей обстановки, ни «Хватит думать как Жертва!» доктора Фриша. Они пригодятся через несколько месяцев, когда Фрелейн сменит роль. Сейчас ему нужны книги для Охотников.

«Тактика охоты на людей», пожалуй, самый авторитетный труд, но Фрелейн знал его почти наизусть, а «Устройство засад и ловушек» не годилось для его нынешних нужд.

Наконец он выбрал «Городскую охоту» Митвелла и Кларка, «Как углядеть соглядатая» Олгрин и «Думай как Жертва» этого же автора.

Теперь порядок. Оставив записку для молочника, Фрелейн запер дверь, поймал такси и отправился в аэропорт.

Прибыв в Нью-Йорк, он снял номер в гостинице Мидтауна, неподалеку от дома Жертвы. Администраторы улыбались и были подчеркнуто вежливы. Фрелейну это не понравилось. Не очень-то хорошо, когда в тебе с первого взгляда узнают убийцу.

Войдя в номер, он увидел на прикроватной тумбочке брошюру «Как получить максимум удовольствия от эмоционального катарсиса» с наилучшими пожеланиями от руководства гостиницы. Улыбнувшись, Фрелейн пролистал брошюру.

Он еще ни разу не был в Нью-Йорке, поэтому всю вторую половину дня гулял по улицам в районе Жертвы, а потом заглянул в пару-тройку магазинов.

Магазин Мартинсона и Блэка был просто чудо. Фрелейн как замороженный бродил по отделу «Все для Охотника и Жертвы», рассматривая легкие бронежилеты и шляпы от Ричарда Арлингтона с пуленепробиваемой тульей.

На стене висел огромный плакат с рекламой новейшей модели запасного пистолета тридцать восьмого калибра.

«Пользуйтесь „Меткачом“ Мэлверна! – кричал текст. – Пистолет одобрен Бюро эмоционального катарсиса! Магазин на двенадцать патронов, максимальное рассеивание менее 0,001 дюйма на 1000 футов. Не промажьте по Жертве! Не рискуйте жизнью, выбирайте самое лучшее! „Меткач“ Мэлверна – залог вашей безопасности!»

Фрелейн улыбнулся. Хорошая реклама, и маленький черный пистолет выглядит на удивление внушительно. Но Фрелейн был вполне доволен собственным оружием.

В тот день действовала скидка на псевдотрость с магазином на четыре патрона: тут тебе и безопасность, и фактор внезапности. В молодости Фрелейн не пропускал ни одной новинки, но с возрастом понял, что надежнее всего пользоваться старомодными орудиями убийства.

За витриной магазина прошествовали четверо служащих из департамента санитарного надзора. У них была каталка, а на каталке – недавно убитый человек. Фрелейн сокрушенно покачал головой: надо же, пропустил такое представление.

Потом он поужинал в неплохом ресторане и пораньше лег спать. Завтра будет много дел.

На следующий день Фрелейн снова прогулялся по району Жертвы, то и дело поглядывая на ее фотокарточку. К прохожим не присматривался и шагал быстро, словно куда-то спешил: бывалые охотники всегда передвигаются именно так.

Он прошел мимо нескольких баров, заглянул в какое-то заведение, пропустил стаканчик, еще немного прогулялся по Лексингтон-авеню, свернул в переулок и оказался возле симпатичного кафе с открытой верандой.

Вот она. Ошибки быть не может, это девушка с фотографии. Джанет Патциг сидела за столиком на улице, уткнувшись взглядом в свой бокал. Когда Фрелейн проходил мимо, она не подняла глаз.

В конце квартала Фрелейн свернул за угол и остановился. У него дрожали руки.

Она что, спятила, что расположилась на самом виду? Считает себя бессмертной?

Взмахом руки Фрелейн подозвал такси и велел водителю объехать вокруг квартала. Да, все верно: она сидит на прежнем месте. Фрелейн хорошенько присмотрелся к ней.

Ему показалось, что девушка выглядит еще моложе, чем на фото. Навскидку он бы дал ей двадцать лет. Может, двадцать один. Волосы были разделены пробором и зачесаны за уши, как у монашки, а на лице, по мнению Фрелейна, читались печаль и покорность судьбе.

Она что, даже не будет защищаться?

Расплатившись с водителем, Фрелейн юркнул в аптеку. Вошел в свободную телефонную будку и позвонил в БЭК.

– Вы уверены, что жертва по имени Джанет-Мари Патциг получила уведомление?

– Минуточку, сэр. – Пока клерк проверял информацию, Фрелейн барабанил пальцами по двери. – Да, сэр. Получила и прислала нам подтверждение. Что-то не так, сэр?

– Все в порядке, – сказал Фрелейн. – Просто решил уточнить.

В конце концов, какое ему дело, будет она защищаться или не будет. Что так, что этак Фрелейн имеет право ее убить.

Потому что сейчас его очередь.

Вместо этого, однако, он отправился в кино. После ужина вернулся к себе в номер, прочитал брошюру БЭК, лег на кровать и уставился в потолок.

Всего-то и нужно всадить в нее пулю. Пристрелить, даже не выходя из такси.

«Что ж она такая неспортивная?» – с обидой думал он, пока не уснул.

Назавтра Фрелейн снова прошел мимо кафе. Девушка сидела за тем же столиком. Фрелейн поймал такси и сказал водителю:

– Давай вокруг квартала, как можно медленнее.

– Понял. – Водитель саркастически усмехнулся.

Сидя в такси, Фрелейн высматривал соглядатаев. Похоже, у девушки их не было. Обе ее руки лежали на столе, на самом виду.

Неподвижная мишень, проще не бывает.

Фрелейн нажал потайную кнопку на двубортном пиджаке. Сработала пружинка, в руке у него оказался револьвер. Фрелейн откинул барабан, проверил патроны, со щелчком вернул барабан на место и произнес:

– Теперь совсем медленно.

Такси ползло мимо кафе. Фрелейн тщательно прицелился в девушку, держа палец на спусковом крючке, но вдруг выпалил:

– Проклятье!

Как назло, мимо девушки прошел официант. Фрелейну вовсе не хотелось случайно подстрелить постороннего.

– Еще раз вокруг квартала, – сказал он водителю.

Тот, снова ухмыльнувшись, сгорбился за рулем. Интересно, как бы он себя повел, узнав, что Фрелейн охотится на женщину.

На сей раз официанта возле столика не оказалось. Сосредоточенно глядя на зажигалку, печальная девушка прикуривала сигарету. Фрелейн прицелился ей в переносицу и задержал дыхание.

Помотал головой и спрятал пистолет в карман.

Ну что за идиотка! Весь катарсис ему испортила.

Расплатившись с таксистом, он вышел на тротуар.

Слишком все просто. Он привык к настоящим схваткам. Уложить тех шестерых было совсем нелегко. Жертвы прибегали к всевозможным ухищрениям. Один умник нанял не меньше дюжины соглядатаев, но Фрелейн всех обвел вокруг пальца, подстраивая тактику под ситуацию.

Однажды он переоделся молочником. В другой раз – инкассатором.

За шестой Жертвой пришлось гоняться по всему хребту Сьерра-Невада. Тот парень ранил Фрелейна, но Охотник оказался более метким стрелком.

Ну а здесь чем гордиться? Что скажут в «Десятке»?

От этой мысли Фрелейн мгновенно пришел в себя. Ему страшно хотелось стать членом клуба.

Даже если он не будет убивать девушку, все равно придется побыть Жертвой для какого-нибудь Охотника. А если выживет, то попадет в клуб лишь четыре охоты спустя.

А то и вообще никогда не попадет, такими-то темпами.

Проходя мимо кафе, он неожиданно для самого себя остановился и сказал:

– Здравствуйте.

Джанет Патциг подняла на него печальные голубые глаза, но ничего не ответила.

– Знаете, – продолжил он, присев за ее столик, – если я вам мешаю, так и скажите, и я сразу уйду. Я первый раз в Нью-Йорке, приехал на симпозиум. Очень захотелось побеседовать с дамой. Если вы против...

– Мне все равно, – невыразительно ответила Джанет Патциг.

– Бренди, – заказал Фрелейн официанту.

Стакан Джанет Патциг был еще наполовину полон.

Фрелейн смотрел на девушку и чувствовал, как в грудной клетке колотится сердце. Выпить со своей Жертвой – вот это уже на что-то похоже!

– Меня зовут Стэнтон Фрелейн, – представился он, понимая, что его имя ей ничего не скажет.

– Джанет.

– А фамилия?

– Патциг.

– Приятно познакомиться, – сказал Фрелейн совершенно естественным тоном. – Джанет, какие у вас планы на вечер?

– Сегодня вечером меня, наверное, убьют, – тихо сказала она.

Фрелейн внимательно смотрел на нее. Неужели она его раскусила? Может, у нее под столом пистолет, нацеленный ему в живот?

Он положил палец на вшитую в пиджак потайную кнопку и спросил:

– Вы Жертва?

– Угадали, – язвительно ответила Джанет. – На вашем месте я бы уносила отсюда ноги. Не стоит нарываться на шальную пулю.

Но чем объясняется это спокойствие? Неужели она выбрала такой способ самоубийства?

Может, ей и правда все равно? Просто хочет умереть?

– А что, у вас нет соглядатаев? – спросил он, старательно изображая удивление.

– Нет. – Она подняла голову, посмотрела Фрелейну в глаза, и он увидел то, чего не замечал раньше.

Джанет Патциг была красавица.

– Я была непослушной девочкой и плохо себя вела, – беспечно сказала она. – Решила, что мне хочется кого-нибудь убить, подала заявку в БЭК. А потом... просто не смогла, и все.

Фрелейн сочувственно покивал.

– Но я, разумеется, по-прежнему в игре. Даже если отказываешься стрелять, после охоты тебя назначают Жертвой.

– Но почему вы не наняли соглядатаев? – спросил Фрелейн.

– Я не смогу убить человека, – ответила она. – Не смогу, вот и все. У меня даже пистолета нет.

– Вы очень храбрая, – сказал Фрелейн. – Взяли и уселись на открытом месте.

На самом деле он поверить не мог, что перед ним такая круглая дура.

– Ну а что мне делать? – апатично спросила она. – От Охотника не спрячешься. Конечно, если это настоящий Охотник. А исчезнуть так, чтобы никто не нашел... Мне это не по карману.

– И тем не менее надо как-то позаботиться о своей безопасности... – начал Фрелейн, но девушка перебила его:

– Нет. Я уже приняла решение. Вся эта система попросту бесчеловечна. Когда я увидела свою Жертву, когда поняла, с какой легкостью могу... могу... – Она тут же взяла себя в руки и с улыбкой сказала: – Ладно, не будем на эту тему.

Улыбка у нее была ослепительная.

Они разговорились. Фрелейн рассказывал ей про свою работу, она ему – про Нью-Йорк. Ей было двадцать два года. Она была несостоявшейся актрисой.

Они поужинали. Фрелейн пригласил ее на гладиаторские бои, она не отказалась, и он, как ни странно, почувствовал себя совершенно счастливым.

Фрелейн вызвал такси – такое чувство, что с момента прибытия в Нью-Йорк он только и делает, что колесит по городу на такси, – и открыл дверцу для Джанет. Она села на заднее сиденье. Фрелейн медлил. Убить ее сейчас было бы проще простого.

Но он сдержался. «Не спеши», – сказал он себе.

Гладиаторские бои были такие же, как и везде, разве что нью-йоркские гладиаторы выступали чуть старательнее. Обычные исторические сценки: схватки мечников и парней с ловчими сетями, дуэли на саблях и рапирах – как правило, до смерти. Ну а как же без этого?

Потом были бои с быками, львами и носорогами, а после них – более поздние реконструкции, с баррикадами, луками и стрелами.

И поединок на канате.

Короче говоря, вечер прошел приятно.

Фрелейн проводил девушку домой. Ладони у него были липкими от испарины.

Еще ни одна женщина не нравилась ему так, как Джанет Патциг. И он имел полное право ее убить.

Фрелейн не знал, что делать.

Она пригласила его к себе. Они уселись рядом. Девушка достала свою огромную зажигалку, закурила сигарету, откинулась на спинку дивана и спросила:

– Когда уезжаете домой? Скоро?

– Ну, наверное, – ответил Фрелейн. – Завтра последний день симпозиума.

– Жаль, что мы так быстро расстанемся, – сказала она после паузы.

Какое-то время оба молчали. Джанет встала и направилась к бару.

Фрелейн проводил ее взглядом. Ну все, пора. Он коснулся кнопки на пиджаке.

И понял, что уже прошел точку невозврата. Он не выстрелит. Как можно убить девушку, в которую влюблен?

Осознание того, что он влюбился, потрясло его до глубины души. Он приехал сюда за Жертвой, а не за женой.

Девушка вернулась со стаканом в руке и села напротив Фрелейна.

– Джанет, – сказал он, – я люблю вас.

Она сидела и смотрела на него, и в глазах у нее стояли слезы.

– Так нельзя, – наконец возразила Джанет. – Я Жертва. Я не доживу до...

– Ничего подобного. Ваш Охотник – это я.

Снова взглянув на него, она неуверенно рассмеялась и спросила:

– И что же, сейчас вы меня убьете?

– Не говорите чепухи, – сказал он. – Сейчас я предложу вам руку и сердце.

Вдруг она оказалась у него в объятиях и воскликнула:

– О боже! Все эти муки ожидания... Было так страшно...

– Все позади, – утешал ее Фрелейн. – Зато будет что рассказать детям. Как папа приехал убить маму, а вместо этого на ней женился.

Она поцеловала его, отсела и закурила новую сигарету.

– Ну что, давайте вещи собирать, – сказал Фрелейн. – Надо...

– Не спешите, – перебила его Джанет. – Вы не спросили, люблю ли я вас.

– Простите?..

Она улыбалась, направив на него зажигалку. В корпусе чернело отверстие. Аккурат под девятимиллиметровый патрон.

– Что за шутки?! – Фрелейн вскочил с дивана.

– Милый, я не шучу, – сказала она.

В голове у Фрелейна пронеслась мысль: а с чего он взял, что ей слегка за двадцать? Он смотрел на Джанет, смотрел во все глаза и понимал, что ей никак не меньше тридцати и каждый год из этих напряженных десятилетий оставил у нее на лице свой след.

– Я не люблю вас, Стэнтон, – вкрадчиво сказала она, не опуская зажигалки.

Фрелейн хотел сделать вдох – хотел, но не мог. В голове пронеслась еще одна мысль: какая же она замечательная актриса, эта Джанет. Наверное, поняла все с самого начала.

Фрелейн нажал на кнопку, и пистолет очутился у него в руке, взведенный и снятый с предохранителя.

Что-то ударило его в грудь, и он упал, опрокинув журнальный столик.

Пистолет вывалился из руки. Тяжело дыша, теряя сознание, Фрелейн смотрел, как Джанет целится, чтобы сделать контрольный выстрел.

– Ну вот я и в «Десятке», – воодушевленно произнесла она и нажала на спуск.

Бремя человека

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

– А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

– Как же, как же, старик, – в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид Шанс, как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислорода. Была там и вода – бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного полезного тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диоров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

– Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

– Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

– Хозяин, человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

– Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, – ответил он.

– Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле – простите, что я осмелился вам это сказать.

– Пустяки, не имеет значения.

– И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

– Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, – ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он

вздыхнул и сказал: – Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

– Вы взвалили на себя слишком тяжелое бремя человека.

– Это я и сам знаю! – И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. – Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

– Это потому, что у нас нет души.

– У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

– Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! – предложил Ганга-Сэм и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид Шанс находился в Троицкой системе, пожалуй самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летних дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние – деньги, а деньги – как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколлотить из своего Шанса.

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку рома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

– Глупые вы машины! – говорил он роботам. – Человеческий босс – он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы человек наставлял их своим примером. Бог весть к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог компании «Рэбек-Уорд».

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

НЕВЕСТЫ – ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному бремя человека! «Рэбек-Уорд» впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга-колонист.

Рэбек-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) – на любой вкус. По получении вашего запроса «Рэбек-Уорд»

вышлет вам свежемороженый экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

– Как раз то, что нам требуется, эфенди, – сказал старший робот.

– Ты думаешь? – Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. – Но ведь я не предполагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

– Человеку-мужчине положено иметь человека-женщину.

– Согласен, но...

– Неужто они заодно не пришлют свежемороженого священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расплзалась довольная усмешка.

– Ганга-Сэм, – сказал он, – ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника – дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

– Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта человек-женщина, хозяйка?

– Не ваше дело, – отвечал Ганга-Сэм. – Это дело человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколочки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подружкой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амуре IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

– Ваша нареченная, сэр! – ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

– Э-э-это еще что?! – воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платье, на котором золотыми нитками было вышито ее имя – Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа – под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки – изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог «Рэбек-Уорд». Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот! И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

– А где же пальмы? – спросила она.

– Пальмы?..

– Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре-пять растут пальмы.

– Так это же не Сирингар-пять, – ответил Флэзвелл.

– Как, разве вы не паша де Шре? – ахнула Шейла.

– Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

– Ну и ну! Разве я на нее похожа? – огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. – Я – модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар-пять.

– Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, – угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

– Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сирингар-пять?

– Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, – сказал Флэзвелл. – Но я извещу «Рэбек-Уорд» об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

– Путешествия расширяют кругозор, – заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

– При сложившихся условиях, – сказал он, со своей самой располагающей улыбкой, – ничто не мешает нам стать друзьями.

– При каких это условиях?

– Просто мы единственные люди на всем астероиде. – И он слегка прикоснулся к ее плечу. – Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

– Что вам здесь нужно? – спросил Флэзвелл.

– Я – брачующий робот, – сказал робот. – Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией «Рэбек-Уорд» к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника, пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

– Наглый холуй, проклятый робот! – чертыхнулся Флэзвелл.

– А чего же вы ждали? – спросила Шейла. – Уж не свежемороженого ли священника?

– Конечно нет! Но согласитесь, робот-дуэнья...

– Лучшей и быть не может! – протестовала она. – Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

– Вы так думаете?

– По крайней мере, так говорят, – ответила Шейла, скромно потупившись. – Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

– Возлюбленные чада, – загнул робот нараспев, – мы собрались здесь, чтобы соединить...

– Не сейчас, – надменно оборвала его Шейла. – И не с этим...

– Я поручу роботам приготовить для вас комнату! – прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет бремени человека.

Он послал радиogramму в «Рэбек-Уорд», и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнья.

На Шансе опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол – разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на Шансе Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на Шансе наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом – на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-урдовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

– Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

– Чего изволите? – отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

– Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская интуиция, – продолжал Флэзвелл. – Она себя совсем неплохо показала – верно, Ганга-Сэм?

– Человек-женщина взяла на себя свою, положенную ей долю бремени человека.

– Да, так оно и есть. Вопрос – на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена. Стряпает, заготавливает консервы...

– Рабочие ее любят, – сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. – Вы и не знаете, сэр, когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

– Возможно ли? – воскликнул потрясенный Флэзвелл. – Девушка из хорошего дома, одно слово – модель «люкс»...

– Не важно, она – человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя бремя человека.

– А знаешь... – сказал Флэзвелл с запинкой. – Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей – пусть остается. И аннулирую свой заказ «Рэбеку».

В глазах робота вспыхнуло странное выражение – почти смех. Он низко поклонился и сказал:

– Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее в медпункте, устроенном на бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

– Шейла, – сказал Флэзвелл, – мне надо с вами поговорить.

– Ладно, – отозвалась она рассеянно, – вот только закреплю болт. – Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом. – А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг человека-женщины, приговаривая:

– Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

– Они совсем как дети! – сказал Флэзвелл.

– Их нельзя не любить, – подхватила Шейла. – Веселые, беззаботные...

– Но у них нет души, – напомнил Флэзвелл.

– Да, – отозвалась она, сразу посерьезнев. – Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

– Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

– Давайте уйдем отсюда, – сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

– Вот что я хотел вам сказать, – начал Флэзвелл. – Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность – все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

– Все ли? – вкрадчиво спросила Шейла.

– По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун-ветер шелестел в гигантских, искусственно возвращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

– Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелл захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилося, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

– Шейла...

– Да, Эдвард?..

– Возлюбленные чада! – пролаял скрипучий металлический голос. – Мы собрались здесь, чтобы...

– Опять вы не вовремя, болван! – разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

– Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то пробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу – а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

– Наглый холуй, проклятый робот! – чертыхнулся Флэзвелл.

– Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

– Нет! – грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

– Терпеть не могу, когда робот забывается! – сказал Флэзвелл. – Но это уже не имеет значения!

– Что не имеет значения?

– Да, – сказал Флэзвелл убежденно, – вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

– Нет! – сказала Шейла.

– Нет? – повторил озадаченный Флэзвелл.

– Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

– Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

– Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! – воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее растрепались, глаза метали молнии. – И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар-пять, там мой нареченный-паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она – бледная от гнева, он – красный от смущения.

– Ну как, прикажете начинать? – осведомился брачующий робот. – Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

– Ничего не понимаю! – плакался робот. – Когда же мы наконец сотворим обряд?

– Обряда вообще не предвидится, – оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

– Вот они, женщины! – бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

– Чего изволите? – откликнулся Ганга-Сэм.

– Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал – она метит здесь остаться. Я-то думал...

– Душа мужчины темна и смутна, – сказал Ганга-Сэм. – Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой женщины.

– Откуда это у тебя? – спросил Флэзвелл.

– Старая поговорка роботов.

– Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

– О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

– Мудрое указание, – сказал Флэзвелл, – не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

– Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел:

– Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

– Надо думать.

– А Шейлу увезет на Сирингар?

– Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

– Ладно-ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

– Желаю вам счастья, Эдвард, – сказала она. – Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

– Пойду, – сказала Шейла. – Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не сопротивлялась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было, словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

– Вот так так! – Флэзвелл дважды кашлянул. – Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

– Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! – сказала она. – Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

– Вот уж действительно! Даже не верится! – восклицал брачующий. – Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на работа.

– Что случилось? – спросил Флэзвелл.

– Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, – пожаловался брачующий, – а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой «Рэбек-Уорд»!

– Что же это ты, Ганга-Сэм? – спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле:

– Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

– Нет-нет, все обошлось, – выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

– Это все я натворил, босс, сэр, – повинился Ганга-Сэм. – Каждому известно, что мужчина и женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении человеческой расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

– Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...

– Что случилось? – испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

– Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

– Не беспокойся, – рассмеялась Шейла. – В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

– Неужели?

– В том-то и дело! – Она смущенно потупилась. – Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

– Не рассержусь, – обещал он. – Только объясни мне...

– Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там – просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, – выпалила она залпом, – упростила его послать меня сюда.

– А как же паша де Шре?

– Я его выдумала.

– Но зачем? – развел руками Флэзвелл. – Ты так красива...

– ...что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного развратного идиота, – подхватила она с горячностью. – А я этого не хочу, Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

– Лучше! – сказал он.

– Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

– Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

– Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

– Что я и сделал, – заключил он, утирая ей слезы. – Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история – счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

– А разве не случайность? – спросил Флэзвелл.

– Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что человеку-мужчине требуется красивая человек-женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэм-саиб Шейла – дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упростила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

– Разрази меня гром! – наконец выдавил из себя Флэзвелл. – Я всегда говорил – никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? – обратился он к Шейле.

– Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

– Но...

– Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера-пять всего в пятнадцати летних днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

– Пора! – приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

– Пора! – прикрикнул на него Флэзвелл.

– А вы уверены? – хмуро спросил робот.

– Уверены! Начинайте!

– Ничего не понимаю! – пожаловался брачующий. – Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я – единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати – двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной жены, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера – по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на-гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом бремя человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками, Рэбеком и Уордом. Но Шейла – та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

Ловушка

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика – не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу – взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом, подошел к двери.

– В первый день отпуска всегда льет как из ведра, – констатировал он. – Закон природы.

– Сегодня может хорошо клевать форель, – заметил Дэйли.

– Это ее личное дело, – без особого восторга отозвался Турстон. – На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающе изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

– Ну что ж, ром так ром, – охотно согласился Дэйли. – А это что? – Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой:

– Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

– Где ты купил это? – недоуменно спросил Турстон.

– Я ничего не покупал. – Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно*! Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете *точно* соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

– Занятная вещица, – проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. – Думаешь, ее подбросили ночью?

– Какая разница? – пожал плечами Турстон. – У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

– Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился:

– Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким бараклом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

– Никогда не видел таких ловушек, – задумчиво пробормотал Дэйли. – А какая реклама! Знали, куда подбросить...

– В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, – цинично заверил Турстон. – Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один*, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите *кнопку два*. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три*, отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

– Чего только не выдумают люди! – восхищенно воскликнул Дэйли.

– Завтрак готов! – позвал Турстон.

– Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением воззрился на ловушку:

– Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

– Конечно. Может, мы поймаем лису.

– Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

– Отпустим, конечно, – не раздумывая, ответил Дэйли. – Главное – поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

– Пойдем, – не выдержал Турстон. – Яйца уже наверняка остыли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегли. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расчленения. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

– Смотри! – крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое – какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

– Все, хватит, никакого рома до завтрака, – отрубил Турстон и нерешительно добавил: – Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекоксился:

– Брр!

– А вдруг это новый вид? – глубокомысленно изрек Дэйли.

– Новый вид кошмара! Может, поедem в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

– Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

– *Его держать?*

– А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

– Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? И потом, от него наверняка скверно пахнет... – Набрав воздуха, он продолжал: – К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

– Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка – просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

– Я сам сторонник прогресса! – вспыхнул Турстон. – Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

– Да, – задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. – Так и будет.

– Что?

– Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью – ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

– Фу, – поморщился Турстон, – и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча – тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто напоминающее змею с головой на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой – все это оставалось нетронутым.

– Они совсем ничего не едят, – пожаловался Дэйли.

– Совершенно очевидно, что они больны, – настаивал Турстон. – Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

– Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

– О чем?

– О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

– Я деловой человек, – с достоинством ответил Турстон. – Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

– Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улынулся:

– Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

– Эти существа, – назидательно произнес Дэйли, – уникальные! Мы подарим их музею.

– Ну и что? – заинтересовался Турстон.

– Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли – Турстоном!

– Они могут даже назвать их нашими именами, – неожиданно размечтался Турстон. – Мы же их поймали!

– Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

– Гм... – Турстон глубоко задумался. – Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит Музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

– Я думал не просто о выставке, – прервал его Дэйли. – Я думал об открытии галереи – галереи Дэйли – Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

– Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

– Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной, с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

– Остальные были поспокойнее, – заметил Турстон. – Возможно, эта тварь поопаснее.

– Мы запутаем ее сетью, – решил Дэйли. – Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в Музей естественной истории:

ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ ЗПТ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ.

Затем по настоянию Турстона он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

– Адирондак исследован вдоль и поперек, – робко возразил Турстон.

– Как видишь, все же недостаточно, – отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше – прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в сад. Она была очень довольна.

– Скажи мне, дорогой, – заговорила она, – тебя что-то мучает в последнее время?

– Угу, – ответил я.

– Ты меня разлюбил?

– Нет, дорогая, – сказал я. – Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но, увы, я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

– Это Фрегль!

– Да, – подтвердил я, – славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

– Но нас же обручили на всю жизнь!

– Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошнило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

– Что случилось с этой дурацкой штукой? – Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

– Может быть, она уже все выловила? – предположил Турстон.

– Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом – больше ни одного?

Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес:

– Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

– В какой-то степени их можно понять, – осторожно сказал Турстон.

– Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том?

Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи.

– Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, – вздохнул Турстон. – Это и впрямь показалось подозрительным.

– Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остолопов?

– Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, – пытался успокоить друга Турстон. – Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

– Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

– Они просто не слышали о такой системе, – угрюмо промолвил Турстон. – Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

– Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! – Дэйли включил и активировал ловушку и принялся ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль: – Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

– Да нет же, успокойся, она на месте, – заверил Турстон.

Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

– Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

– Хорошо-хорошо, – поспешно согласился Турстон. – Конечно исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже – и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

– Теперь ясно, как она работает, – провозгласил он. – Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

– А где?

– Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывали лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

– Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону.

– Пожелай мне успеха!

– Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

Билет на планету Транай

Чудесным июньским днем высокий, худощавый, сосредоточенный, одетый в строгом стиле молодой человек вошел в офис агентства «Транскосмические путешествия». Миновал, не удостоив даже косым взглядом, аляповатый туристический постер с рекламой марсианского праздника урожая. Огромная панорамная фотография с пляшущими лесами Триганиума тоже не привлекла его внимания. Оставили равнодушным и романтические ритуалы встречи солнца на Опиуче II. Посетитель задержался только у стойки продавца билетов.

– Мне нужно на Транай, – сказал молодой человек.

Агент закрыл книгу «Необходимые изобретения» и нахмурился:

– Транай, Транай... Это не один ли из спутников Кента-четыре?

– Нет, – ответил посетитель. – Транай – планета, обращающаяся вокруг одноименного солнца. Я хочу купить билет на рейс до нее.

– Никогда не слышал. – Агент придвинул к себе звездный каталог, упрощенную карту неба и справочник по коротким космическим маршрутам. – Гм... – сказал он наконец. – На этой работе каждый день узнаешь что-нибудь новенькое. Значит, вам нужен билет до Траная, мистер...

– Гудмен. Марвин Гудмен.

– Гудмен. Похоже, этот ваш Транай у черта на куличках, хоть и в пределах Млечного Пути. Туда, вообще-то, никто не летает.

– Я в курсе. Так вы поможете мне до него добраться? – Как ни старался Гудмен скрыть волнение, его выдал напряженный голос.

Агент отрицательно покачал головой:

– Это не в моих силах. Даже чартерных рейсов нет – слишком далеко.

– Помогите долететь хотя бы до...

– Потянуло на приключения? – перебил агент, успевший отметить вовсе не атлетическое телосложение собеседника и его интеллигентскую сутулость. – Разрешите предложить Африканус-два, первобытный мир, где хватает и диких племен, и саблезубых зверей, и папоротников-людоедов, и активных вулканов, и птеродактилей, и всего прочего в том же роде. Через каждые пять дней туда отправляется экспедиция из Нью-Йорка, чтобы совместить запредельный риск с абсолютной безопасностью. Вы обязательно привезете домой голову динозавра – либо получите деньги назад.

– Транай, – повторил Гудмен.

При виде его упрямо поджатых губ и бескомпромиссно блестящих глаз клерк одобрительно хмыкнул:

– Должно быть, вы устали от строгих земных порядков, от пуританских запретов. Так отправьтесь же на Альмагордо-три, жемчужину пояса Южная Гряда. Десятидневный тур, все включено, вплоть до экскурсий на два винокуренных завода и зинталовую фабрику, где вы сможете с феноменальными скидками купить настоящие зинталовые пояса, обувь и книжки карманного формата. На Альмагордо очень красивые, жизнерадостные и восхитительно наивные девушки, для них турист – самый высший и желанный тип человеческого существа. Кроме того...

– Транай, – отчеканил Гудмен. – Как можно ближе к нему.

Клерк нахмурился и достал кипу билетов:

– На «Королеве созвездия» можно долететь до Легиса-два, а там пересестись на «Блеск Галактики», который доставит вас на Уме. Дальше вас повезет космолет местных линий, с остановками на Маханге, Панканге, Лекунге, Инчанге и Устрице, до Тунг-Брадара-четыре, если только не сломается в пути. Оттуда чартером вы минуете Галактический Вихрь – при условии,

что он позволит себя миновать, – и попадете на Алумсриджию, а затем почтовое судно позволит вам достичь Беллисморанти. Надеюсь, почтовые суда там все еще курсируют. В совокупности это будет полпути. Как вам преодолеть вторую половину, я подсказать не возьмусь.

– Отлично, – заключил Гудмен. – Вы можете оформить все необходимые документы до обеда?

Клерк кивнул и в отчаянии спросил:

– Мистер Гудмен, что же собой представляет этот ваш Транай, куда вы так рветесь?

– Утопию, – с блаженной улыбкой ответил молодой человек.

Почти всю свою жизнь Марвин Гудмен провел в Сикерке, штат Нью-Джерси. Без малого полвека городком управляли сменявшие друг друга политики. Обыватели в массе своей равнодушно относились к коррупции во власти, полиции и судах, к азартным играм, гангстерским войнам и подростковому пьянству. Привыкли они к необратимому разрушению дорог, прорывам гнилых водопроводных труб, обвалам ветхих зданий – в то время как сильные мира сего строили для себя дома все выше, плавательные бассейны – все длиннее, конюшни – все теплее. Да, население с этим смирилось.

Но не смирился Гудмен.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи (ни одна из которых не была опубликована), слал в конгресс письма (так никем и не прочитанные), голосовал за честных кандидатов (неизменно проигрывавших выборы) и даже основал Лигу развития гражданского общества, союз «Народ против гангстеризма», Общественное движение за честную полицию, Ассоциацию противников азартных игр, Комитет по борьбе за равные профессиональные возможности для женщин и еще десяток подобных организаций.

Результат был нулевой – апатичное население городка не восприняло ни одну из этих благих инициатив. Политики просто смеялись над Гудменом, а он был не из тех, кто легко сносит насмешки. И будто мало накопилось неприятностей, его бросила невеста, предпочтя шумного парня в ярком спортивном пиджаке, совершенно ничем не выдающегося, если не считать контрольного пакета акций «Строительной корпорации Сикерка».

И это был сокрушительный удар. Кажется, девушку не смутил даже тот факт, что содержание песка в плитах и блоках СКС многократно превышало норму, а между арматурой и бетоном легко пролезал палец. «Ну и что с того? – парировала она. – Смирись, Марви, так уж устроен мир. Пора тебе стать реалистом».

Но это не входило в намерения Гудмена. Чинить разбитое сердце он отправился к Эдди, в бар «Лунный свет», чтобы одновременно с употреблением крепких напитков поразмыслить о преимуществах одинокой жизни в шалаше посреди зеленого венерианского ада.

И тут в бар вошел старик – прямой как жердь, с ястребиными чертами лица. По скованной гравитацией походке, по бледной, в пятнах радиационных ожогов коже, по пронзительному, будто вдаль устремленному взгляду серых глаз Гудмен безошибочно опознал бывшего звездолетчика.

– Налей-ка мне, Сэм, «Особого транайского», – обратился к бармену космический волк.

– Секундочку, капитан Сэвидж.

– «Транайского»? – против воли шепнул Гудмен.

– Да, сынок, «Транайского». Что, никогда не слышал о Транае?

– Нет, сэр, – честно ответил Гудмен.

– Ладно, сынок, – сказал капитан Сэвидж, – я сегодня в разговорчивом настроении, так что ты сейчас услышишь сказ о благословенном Транае, о том, который за Галактическим Вихрем.

Глаза старого космонавта будто дымком подернулись, и улыбка смягчила суровую линию его рта.

– В те суровые времена космос бороздили стальные корабли, и в них сидели железные люди. Чтобы набить трюмы терганиумом, мы с Джонни Каванофом и Лягушкой Ларсеном готовы были лететь хоть в преисподнюю. Да мы бы самого Вельзевула зашанхаили и заставили палубу драить, возникни в команде нехватка людей. Космическая малярия в ту пору валила каждого третьего, на межзвездных трассах часто появлялся призрак Большого Дэна Макклинтока, а на астероиде Триста сорок два АА, в гостинице «Красный петух», хозяйничала Молл Ганн, заламывая пятьсот земных долларов за кружку пива и получая их, потому как кругом на десять миллиардов миль у нее не было конкурентов. Вдоль Звездной Гряды тогда озоровали «чесоточные клещи», а направлявшиеся к Проденгаму корабли были вынуждены преодолевать Отмашку Латной Рукавицы. В общем, сынок, ты запросто можешь представить, что я испытал в один прекрасный день, когда случайно наткнулся на Транай.

Как зачарованный слушал Гудмен повесть капитана о славных былых годах, о хрупких корабликах на фоне чугунного неба – летящих вовне, только вперед, к далеким границам Галактики.

И там, на краю Великого Ничто, находится Транай.

Транай, где человеческие существа, нашедшие истинный путь, уже не прикованы к колесу бытия. Транай, на котором царят счастье, мир, созидание и изобилие. Транай, чьи жители не аскеты-богоискатели и не рафинированные интеллектуалы, а самые простые люди. Транай, достигший утопии.

Добрый час капитан Сэвидж расписывал бесчисленные чудеса и диковины Траная. А закончив рассказ, пожаловался на пересохшее горло, или, как он выразился, на вакуум в глоточном отсеке. Гудмен заказал «Особого транайского» и ему, и себе. Потягивая серо-зеленую экзотическую смесь, молодой человек предался мечтам.

Наконец он осторожно задал вопрос:

– Капитан, а почему вы вернулись?

Старик пожал плечами:

– Да замучила космическая подагра! Списали меня подчистую. Мы в то время, видишь ли, передовой медицины почти не знали.

– И где теперь работаете? – поинтересовался Гудмен.

– В «Строительной корпорации Сикерка», – вздохнул старик. – А ведь когда-то командовал пятидесятидюзовым клипером. Знаешь, из чего тут бетон делают?.. Ладно, к черту. Может, еще по одной за прекрасный Транай?

«Еще по одной» повторилось несколько раз. Когда молодой человек покидал бар, он уже видел выход из тупика. Где-то во Вселенной найден оптимальный образ жизни общества, там исполнилась древнейшая мечта человечества – мечта о совершенстве.

Ничто иное не устроило бы Марвина Гудмена.

Утром он уволился из компании «Роботы Восточного побережья», где трудился конструктором, и забрал из банка все свои сбережения.

Он решил лететь на Транай.

«Королева созвездия» довезла его до Легиса II, а «Блеск Галактики» – до Уме. Побывав на Маханге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Устрице – унылых захолустных мирках, – он высадился на Тунг-Брадаре IV. Без приключений миновал Галактический Вихрь и наконец добрался до Беллисморанти. Там кончалась земная власть.

За огромные деньги корабль местных линий отвез его на Двасту II. Оттуда на грузовозе Гудмен направился мимо Севеса, Олго и Ми к двойной планете Мванти. Там он застрял на три месяца, но время потратил с толком, пройдя гипнопедический курс транайского языка. Наконец удалось договориться с пилотом крошечного суденышка, которое доставило Гудмена на планету Динг.

На Динге его арестовали, приняв за хайгастомеритрейского шпиона, но ему удалось бежать и проникнуть на борт ракеты, возившей руду на г'Мори. На г'Мори пришлось лечь в больницу с обморожением, тепловым отравлением и поверхностными радиационными ожогами.

И все же наконец настал тот день, когда наш путешественник купил билет на последний рейс – прямой рейс до Траная.

Ему с трудом верилось, что корабль, проскользнув между спутниками Доу и Ри, совершил посадку в транайском космопорту.

Когда открылись шлюзы, Гудмен понял, что настроение у него далеко не радостное. Отчасти душевное опустошение можно было объяснить усталостью – путь ему достался не из легких. Но еще был внезапный страх: а вдруг идиллический Транай окажется вымыслом, как пресловутое Эльдorado? Поверить байке старого космонавта, пересечь всю Галактику – и встретиться с миражем? Кажется, пережить такое разочарование будет невозможно.

Он высадился. Город Порт-Транай выглядел довольно привлекательно: на улицах толпы людей, магазины набиты товарами. Встречные ничем не отличались от других обитателей населенных планет. Разве что женщины были гораздо красивее.

И все же присутствовала в этой картине некая странность, что-то неуловимое, но определенно неправильное. Нечто чуждое. Гудмен не сразу догадался, что его насторожило.

Оказывается, из десяти человек, попадающихся ему на глаза, девять – мужчины. И, что еще загадочнее, почти каждая женщина, судя по ее внешности, либо моложе восемнадцати, либо старше тридцати пяти.

А те, кому от восемнадцати до тридцати пяти, куда подевались? Им что, запрещено появляться на людях? Или их погубила какая-нибудь эпидемия?

Оставалось лишь надеяться, что со временем он узнает.

Гудмен направился в Идриг, здание, куда сходились все нити управления государством Транай, и попросил встречи с министром по делам иммиграции. Его приняли сразу.

В тесном кабинете царил беспорядок, на обоях синели подозрительные разводы. Сразу бросилась в глаза мощная винтовка с глушителем и оптическим прицелом – зловещее украшение стены. Задаться вопросом, что бы это значило, Гудмен не успел, поскольку с кресла при его появлении сорвался тучный жизнерадостный человек лет пятидесяти и энергично пожал ему руку.

На груди у министра висел медальончик с рельефным транайским гербом – молнией, дробящей кукурузный початок. Гудмен предположил, что это официальная печать министерства, и не ошибся.

– Добро пожаловать на Транай! – со всей сердечностью поприветствовал министр, сбрасывая со стула кипу бумаг и жестом предлагая Гудмену сесть.

– Господин министр... – заговорил Гудмен на деловом транайском.

– Ден Мелит меня зовут. Будь проще, сынок, зови меня Деном. У нас тут формальности не в чести. Клади ноги на стол и чувствуй себя как дома. Хочешь сигару?

– Нет, спасибо, – отказался несколько опешивший Гудмен. – Мистер... то есть Ден, я прилетел с Земли – вы, может быть, слышали это название.

– Ну а кто же не слышал? – хмыкнул Мелит. – Нервозный, суетный мирок... не в обиду будь сказано.

– Да какие обиды. Я ровно такого же мнения о своей родине. А сюда прибыл вот по какой причине... – Гудмен помедлил, надеясь, что его объяснения не покажутся смешными. – До меня дошли некоторые слухи о планете Транай, и, честно говоря, они показались преувеличенными. Хотелось бы узнать, если, конечно, вы не против...

– Задавай любые вопросы! – великодушно разрешил Мелит. – Отвечу как на духу.

– Благодарю. По моим сведениям, Транай вот уже четыреста лет не знает войн.

– Шестьсот, – поправил Мелит. – Их и не предвидится.

– Говорят, на Транае не совершаются преступления.

– Пока не было ни одного.

– А потому у вас нет органов правопорядка, всяких там судей, шерифов, приставов, палачей, инспекторов по делам несовершеннолетних, государственных следователей. Нет тюрем, исправительных домов и других мест заключения.

– Просто отсутствует необходимость в них, – пожал плечами Мелит.

– Еще я слышал, – продолжал Гудмен, – что Транай не знает бедности.

– Бедность? – хихикнул Мелит. – Это что еще за диво? Взял бы ты все-таки сигару...

– Спасибо, не хочу. – Взволнованный до крайности, Гудмен подался вперед. – Правда ли, что вам удалось создать стабильную экономику, не прибегая к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам?

– Так и есть, – подтвердил Мелит.

– И по факту у вас система свободного предпринимательства с упором на личную инициативу? А функции государственного управления сокращены до самого необходимого минимума?

Мелит кивнул:

– В сущности, мы решаем мелкие проблемы регулирования: заботимся о престарелых, украшаем ландшафты.

– Скажите, – задал Гудмен самый важный вопрос, – вы в самом деле научились распределять блага без вмешательства государства, даже без налогообложения? Неужели ваша методика основана только на личном выборе каждого индивидуума?

– Все обстоит именно так.

– Значит, капитан Сэвидж сказал правду! – воскликнул молодой человек, более не в силах сдерживать восторг. – Это действительно утопия!

– Нас устраивает, – скромно подтвердил Мелит.

Переведя дух, Гудмен спросил:

– А можно мне остаться?

– Почему нет? – Мелит достал из ящика стола бланк. – Здесь нет иммиграционных ограничений. Чем ты раньше занимался, можно узнать?

– В смысле, что я делал на Земле? Роботов конструировал.

– На Транае у тебя будет уйма возможностей применить профессиональные навыки. – Мелит уже что-то писал в анкете.

С пера сорвалась капля чернил, появилась клякса. Министр привычно запустил авторучкой в стену, и она разлетелась вдребезги, а на обоях образовалось новое синее пятно.

– Оформим документы как-нибудь в следующий раз, – сказал чиновник. – Сейчас я что-то не в настроении. – Он откинулся в кресле. – Сынок, позволь дать тебе доброе напутствие. Вот ты назвал Транай утопией, и мы, его жители, почти не видим тут разницы. Но я бы не сказал, что у нас высокоорганизованное государство. Сложное законодательство нам без надобности, достаточно соблюдать ряд неписаных правил – их даже можно назвать обычаями. Вскоре ты с ними познакомишься. Граждане всегда помогут тебе советом, но, разумеется, принуждать ни к чему не станут.

– Конечно, я буду слушать советы! – воскликнул Гудмен. – Поверьте, сэр, нарушать порядок в вашем раю я никоим образом не намерен!

– Да я не за наши порядки беспокоюсь, – с усмешкой объяснил Мелит, – а за твою безопасность. Впрочем, позову-ка я жену, пусть она тебе поподробнее растолкует.

Он втопил в стол большую красную кнопку. Тотчас возникла голубоватая дымка, она сгустилась, и через несколько секунд Гудмен увидел перед собой красивую молодую женщину.

– Доброе утро, дорогой, – сказала она Мелиту.

– Уже день, – поправил ее министр. – Милая, вот этот юноша проделал путь от самой Земли, чтобы поселиться на Транае. Я провел с ним обычный инструктаж. Что-нибудь еще мы можем для него сделать?

После недолгих размышлений госпожа Мелит спросила у Гудмена:

– Вы женаты?

– Нет, мэм.

– Коли так, надо подыскать ему девушку, – сказала мужу госпожа Мелит. – На Транае холостая жизнь не приветствуется, хотя, конечно, и не запрещается. Дай-ка подумать... Как насчет очаровательной малютки Дриганти?

– Она помолвлена, – сообщил Мелит.

– Правда? Я что, так долго пробыла в стазисе? Дорогой, с твоей стороны это неблагоприятно.

– Дел было по горло, – повинился Мелит.

– А Мина Венсис?

– Не его тип женщин.

– Жанна Влей?

– То, что надо! – Мелит подмигнул Гудмену. – Очень симпатичная цыпочка. – Найдя в столе новую ручку, он написал адрес и вручил листок посетителю. – Жена свяжется с ней, предупредит, чтобы ждала тебя нынче вечером.

– Будет время, приходите к нам ужинать, – добавила госпожа Мелит.

– С удовольствием, – в полной растерянности ответил Гудмен.

– Приятно было познакомиться, – сказала женщина.

Ее муж снова нажал кнопку. Госпожа Мелит растаяла в голубом тумане.

– Пора закрываться, – глянул на часы Мелит. – Задерживаться на работе нельзя – пойдут пересуды... На днях загляни, оформим бумажки. Еще рекомендую позвонить в Национальный дворец верховному президенту Боргу. А может, он сам тебя вызовет. Будь начеку, не то старый лис живо найдет тебе применение. И про Жанну не забудь. – Озорно подмигнув, он проводил Гудмена до двери.

Через несколько секунд молодой человек оказался на тротуаре в полном одиночестве.

«Я все-таки попал в утопию, – сказал он себе, – в реальную, настоящую, подлинную утопию».

Но все же кое-что смущало его разум.

Он поужинал в ресторанчике и поселился в ближайшей гостинице. Веселый беллбой отвел гостя в номер, и там Гудмен сразу растянулся на кровати. Устало протирая глаза, попытался разобраться с мыслями.

Сколько впечатлений за один день! И сколько загадок! Например, соотношение мужского и женского населения. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но Мелит, возможно, не тот человек, к которому следует обращаться с подобными вопросами. Ведет он себя довольно странно. Например, швыряется письменными принадлежностями. Разве может себе такое позволить зрелое, ответственное должностное лицо? А как мэр обходится со своей женой?

Гудмен догадался, что госпожа Мелит вышла из статического деррсин-поля, – его характерную голубоватую дымку ни с чем не спутаешь. На Земле деррсин-ом тоже пользуются. В медицине он бывает полезен – останавливает всяческую активность организма, рост, распад и так далее. К примеру, пациенту позарез нужна сыворотка, которая делается только на Марсе. Проще всего поддержать его в стазисе до тех пор, пока не придет лекарство.

Но на Земле применять деррсин дозволено только врачам, и то по специальной лицензии. Нарушителей ждет серьезное наказание. Слыханное ли дело – хранить в таком поле жену?

Возможно, этим и объясняется отсутствие на улицах женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет, а также соотношение полов десять к одному.

Но какой, спрашивается, смысл в этом высокотехнологичном серале?

И еще одна загадка не давала покоя Гудмену. Возможно, совершенно пустяковая. А может быть, и нет.

Ружье на стене у Мелита.

Он что, заядлый охотник? Но какого размера должна быть дичь, чтобы для нее требовался такой огромный калибр?

Или мэр – любитель стрелять по мишеням? Ну, не с оптическим же прицелом... и тем более не с глушителем. И какой смысл держать оружие в кабинете?

Но все это мелочи, решил Гудмен. Что-то вроде аллергической реакции на особенности местного быта. Он только что высадился на чужой планете – было бы наивно рассчитывать на моментальное понимание ее уклада. Вот поживет на Транае подольше и разберется во всем.

Гудмен уже задремал, когда в дверь постучали.

– Входите, – сказал он.

В номер прошмыгнул юркий коротышка с землистым лицом и торопливо затворил за собой дверь:

– Если я правильно понял, вы с Земли?

– Да, вы правильно поняли.

– Так и знал, что вы поселитесь в этой гостинице, – расплылся в улыбке коротышка. – Хорошо, что сразу застал. Надолго к нам?

– Думаю остаться насовсем.

– Отлично! – воскликнул коротышка. – Как насчет того, чтобы занять пост верховного президента?

– Что-что?

– Достойный оклад, легкая работа, контракт на год, – бодро перечислил коротышка. – Вы производите впечатление человека, не равнодушного к проблемам общества. Ну как, согласны?

Гудмен не поверил собственным ушам.

– Вы это всерьез? – осторожно спросил он. – Так беспечно предлагаете мне высший государственный пост?

– Что значит – беспечно? – взволнованно затараторил гость. – По-вашему, мы тут кому попало норовим всучить должность верховного президента? Да будет вам известно, это высокая честь!

– Простите, я не хотел...

– Просто вы, землянин, идеально нам подходите.

– Это еще почему?

– Так ведь общеизвестно, что земляне обожают править. Чего не скажешь о нас, транайцах. Слишком уж хлопотное это дело.

Надо же, до чего просто! В жилах Гудмена вскипела кровь реформатора. Как бы ни был хорош Транай, его наверняка можно улучшить. Молодой человек живо вообразил себя правителем утопии, решающим грандиозную задачу: как сделать почти идеальное совсем идеальным. Но осторожность взяла верх, и он не позволил сорваться с языка возгласу «Я согласен!». Где гарантия, что этот визитер не сумасшедший?

– Благодарю за предложение, – сказал Гудмен, – но мне необходимо его обдумать. Пожалуй, следует поговорить с человеком, ныне занимающим этот пост, и ознакомиться с должностными обязанностями...

– А я здесь для чего, по-вашему?! – вспыхнул коротышка. – Я и есть верховный президент Борг!

Только сейчас Гудмен заметил на шее у собеседника официальную печать.

– Как примете решение, дайте знать, я буду в Национальном дворце. – И, пожав Гудмену руку, президент удалился.

Выждав несколько минут, молодой человек вызвал беллбоя:

– Кто это был?

– Борг, верховный президент, – ответил беллбой. – Вы согласились?

Гудмен отрицательно покачал головой. Он вдруг понял, что Транай далеко не прост и еще многое нужно узнать о нем.

Утром Гудмен добыл алфавитный список заводов по производству роботов в Порт-Транай и пошел устраиваться. Подходящее место нашлось на удивление легко – с первой же попытки. Бегло проглядев документы, Марвина приняли в фирму «Бытовые роботы Аббага».

Владелец предприятия был невысоок ростом, обладал пышной седой шевелюрой и буквально излучал мощную жизненную энергию.

– Рад, что в нашей команде появился землянин, – сказал господин Аббаг. – Как я понимаю, вы неординарная личность, а такие люди нам нужны. Буду с вами честен, Гудмен: надеюсь, ваши свежие идеи принесут нам прибыль и помогут выйти из тупика.

– А в чем проблема? – спросил молодой человек.

– Я вам покажу. – Аббаг повел Гудмена по цехам: штамповочному, термической обработки, рентгеноструктурного анализа, окончательной сборки и испытательному.

Это последнее помещение было обставлено как жилье – гостиная, совмещенная с кухней. Вдоль стены там выстроилось не меньше десятка роботов.

– Испытайте любого, – предложил Аббаг.

Гудмен подошел к ближайшему роботу и взглянул на его контрольную панель. Она оказалась достаточно простой, не требующей разъяснений. Молодой человек подверг машину стандартной процедуре, веля переносить с места на место вещи, мыть кастрюли и сковородки, накрывать на стол. Приказы выполнялись довольно четко, но очень уж медленно. На Земле давным-давно приучили механических слуг к резвости. Очевидно, транайские технологии изрядно устарели.

– Похоже, они у вас неторопливы, – осторожно высказался Гудмен.

– Вы правы, – кивнул Аббаг. – Они чертовски медлительны. По мне, так в самый раз. Но отдел по изучению сбыта пришел к выводу, что покупателям нужны еще более вялые роботы.

– В самом деле?

– Правда, забавно? – мрачно спросил Аббаг. – Их неповоротливость дорого нам обходится. Посмотрите, что у него внутри.

Гудмен снял заднюю панель и опешил, увидев жуткую путаницу проводов. Не сразу ему удалось разобраться, что там к чему. Изначально робот представлял собой современную даже по земным меркам конструкцию и имел недорогие быстродействующие контуры. Но в него дополнительно вмонтировали замедляющие реле, генераторы помех и понижающие передачи.

– Вот вы мне скажите, – сердито потребовал Аббаг, – как можно сделать робота еще менее расторопным, если не увеличить втрое его размеры и вдвое – затраты на изготовление? И каких еще, с позволения сказать, усовершенствований от меня потребуют в следующий раз?

Слушая его, Гудмен пытался переварить дикую концепцию примитивизации техники. На Земле фабрики всегда стремились строить все более шустрых, смысленных, четче исполняющих команды роботов. И у него никогда не возникало сомнений в правильности такого пути.

– И как будто мало нам бед, – продолжал сокрушаться Аббаг, – новая пластмасса, созданная специально для этой модели, то ли катализировалась, то ли испортилась по какой-то другой причине. Смотрите!

И он отвесил роботу крепкого пинка в середину туловища. Пластмасса промялась, как тонкая жесть. Аббаг ударил снова, вмятина увеличилась, изделие жалобно защелкало деталями

и замигало лампочками. От третьего пинка раскололся корпус. Эффектно взорвались внутренности робота, обломки усеяли пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.